

УЧИЛИЩЕ ИКОНОПИСАНИЯ ПРИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ В 1885—1918 гг.: ПОПЫТКА ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ИКОНОПИСАНИЯ

Л. А. АРМЕЕВА

В статье рассматривается проблема возрождения иконописной традиции в стенах Троице-Сергиевой лавры в период с 1885 по 1918 г. В это время в лаврском училище иконописания были предприняты ряд преобразований. Среди них — перевод в лавру Московского епархиального училища иконописания, введение нового устава, составление нового проекта училища. К этой деятельности были привлечены такие известные личности, как академик живописи В. Д. Фартусов и ученый-византолог Н. П. Кондаков. К сожалению, из-за революционных событий нач. XX в. попытки не увенчались успехом.

Троице-Сергиева лавра как крупнейший отечественный монастырь на всем протяжении своей истории большое внимание уделяла иконописи. В стенах Лавры всегда писалось большое количество икон как для самого монастыря, так и для благословения многочисленным богомольцам. Лаврские соборы и храмы были расписаны лучшими мастерами своего времени, а украшением обители были росписи и иконостас Троицкого собора, созданные с участием Андрея Рублева и Даниила Черного. Однако первая попытка создания полноценной иконописной школы в лавре относится лишь к 1746 г. Тогда, через четыре года после открытия в стенах лавры семинарии, по настоянию священноархимандрита архиепископа Переславского Арсения (Могилянского), при этой семинарии был открыт класс иконописи. Впрочем, после изъятия лаврских земельных владений в 1764 г., лишь благодаря влиянию московского митрополита Платона (Левшина), семинария и школа не были закрыты, но в течение последующего полувека иконописная школа едва существовала. Второе рождение она обрела в 30-х гг. XIX в. с назначением в лавру архимандрита Антония (Медведева). Школе было уделено большое внимание священноначалия, в частности, к 60-м гг. для нее было построено специальное удобное помещение, так как она состояла к этому времени уже из двух отделений. Одно из них — собственно учебное, где «обучается греческой иконописи до шестидесяти мальчиков из разных местностей на полном монастырском содержании». Второе отделение фактически являлось

мастерской, где выполнялись различные заказы. Всего в этом отделении находилось до двадцати человек¹.

Параллельно с этим в 1873 г. в Москве было учреждено епархиальное училище иконописания. Несмотря на первоначальные обширные планы и задачи по возрождению иконописания, поставленные устроителями училища, результаты оказались более чем скромными. Московский митрополит Иоанникий (Руднев) в кон. 1884 г. направил донесение в Св. Синод, где прямо говорилось, что училище «за десять лет своего существования в Москве мало послужило выполнению предположенной благой цели». По словам Высокопреосвященнейшего Иоанникия, «с 1873/4 по 1883 год обучалось в означенном училище 118 человек; из них окончило курс только 67; остальные 51 исключены из училища, по разным причинам, до окончания курса. Из окончивших курс, по имеющимся в Совете училища сведениям, только семь человек продолжают заниматься искусством иконописания до настоящего времени; из остальных большая часть поступили причетниками в села, некоторые работают на фабриках, другие служат в частных конторах или канцеляриях и т. п. В течение десяти лет от ученических работ выручено до 3000 рублей, между тем израсходовано за то время на содержание училища более 150 000 руб.». Далее он предлагает перевести епархиальное училище иконописания в лавру, поскольку таким образом будет удобнее достигаться «предположенная при открытии училища иконописания цель»². Объяснялось это тем обстоятельством, что в лавре давно существуют и хорошо устроены различные мастерские: и собственно иконописная, со всеми необходимыми для иконописания принадлежностями, и различные ремесленные мастерские — портняжные, кузнечные, токарные и фотографические, поэтому там есть куда определить учеников, оказавшихся неспособными к искусству иконописания.

Предлагая перевести училище в лавру, Высокопреосвященный Иоанникий решает также еще одну административную задачу: в освободившиеся помещения училища иконописания можно перевести женское Ризоположенское училище, до этого располагавшееся в арендуемом частном доме за дорогую плату, а также без надлежащих школьных удобств³. Рассмотрев донесение митрополита Иоанникия, учебный комитет при Св. Синоде определил перевести училище в Троице-Сергиеву лавру на изложенных основаниях.

Дальнейшая история училища вплоть до его закрытия в 1918 г. и является основным предметом настоящего исследования. Источниками по истории училища этого периода являются архивные материалы из 1204 фонда Российского государственного архива древних актов (РГАДА), монографии и диссертации по истории Троице-Сергиевой лавры, также основывающиеся на данном и других редких архивных фондах.

Перевод епархиального училища в лавру несколько всколыхнул устоявшееся течение жизни лаврской школы, но, как мы увидим, все же не внес в нее

¹ *Арсений, иеромонах*. Исторические сведения об иконописании в Троицкой Сергиевой Лавре // Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 126.

² РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 2.

³ Там же. Л. 23.

никаких принципиальных изменений, на которые очень рассчитывали радетели этого перевода. Более того, этот шаг не только не улучшил постановку обучения в епархиальном училище, а даже несколько снизил.

Руководство лаврскими иконописцами в описываемое нами время осуществлял иеромонах Симеон. Он был смотрителем школы и преподавал живопись, которой выучился самостоятельно. Как позже, в донесении митрополиту Московскому Владимиру, напишут о нем члены Совета училища, это был человек, «случайно научившийся в монастыре живописи и упражнявшийся в ней по своей охоте, без всякого научного знания, теории и правил живописи»⁴.

Однако надо сказать, что мастерство, приобретенное о. Симеоном «самостоятельно», было достаточно высокого уровня. С о. Симеоном была тесно связана ориентация лаврской школы на академическое письмо. Именно благодаря о. Симеону были установлены тесные контакты с палешанами, именно он формировал ассортимент мастерской, распределял заказы и следил за качеством работ. При о. Симеоне лаврская иконописная школа (чаще ее называют в это время живописной) была широко известна в церковном мире. Например, известный педагог и общественный деятель XIX в. С. А. Рачинский прислал в 1882 г. в школу своего воспитанника Николая Богданова, в будущем ставшего известным художником Богдановым-Бельским. Учился Николай в школе в течение двух лет на средства Рачинского и в 1884 г. поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВиЗ), по окончании которого за картину «Будущий инок» был удостоен серебряной медали и звания классного художника.

В лаврской школе в 60–80-х гг. XIX в. стремились учиться православные молодые люди даже из других стран — Сербии, Болгарии, Греции, Боснии. Любопытна, например, причина, которую Славянский комитет приводит в своем прошении с просьбой о принятии в школу боснийского художника Ристу Чайкановича, до этого уже два года обучавшегося иконописи в Сергиевской пустыни Петербургской епархии. «Ныне Чайканович, ознакомившись с некоторыми произведениями живописной школы Свято-Троицкой Сергиевой лавры и убедившись в их превосходстве сравнительно с живописью Сергиевой пустыни, обратился в Славянский Комитет с просьбой о ходатайстве перед Собором лавры о принятии его в лаврскую живописную школу на полгода для большего усовершенствования в иконописании»⁵. Также и монах Эллинской церкви Михаил Пасхалому «возымел непреклонное намерение поступить в иконописную школу, находящуюся в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, и учиться в школе впредь до надлежащего усовершенствования в церковной живописи»⁶.

Еще одно свидетельство о высоком уровне лаврской живописной школы можно видеть в письме сербского митрополита Михаила (от 13 августа 1880 г.). Приведем его полностью. «Ученик лаврской живописной школы Лазарь Кржданович кончил свое учение в этой школе с успехом, что возбудило охоту у многих молодых людей учиться там же. Но, оставляя других, решился дать согласие на проезд только одному Михаилу Васильевичу, который имеет дар для живописи-

⁴РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 29 об.

⁵Там же. Д. 12030. Л. 6.

⁶Там же. Л. 9.

ного художества. Посему прошу покорнейше Ваше Высокопреподобие принять сего молодого серба из Белграда Михаила Васильевича в лаврскую живописную школу»⁷.

О. Симеон писал много заказных икон для разных храмов и монастырей. Обширный перечень его работ приводит, в частности, иеромонах Арсений в указанном выше исследовании⁸. Для дополнительного свидетельства авторитетности школы о. Симеона приведем здесь отрывок из благодарственного письма одного из заказчиков — генерал-адъютанта графа Д. Е. Остен-Сакена: «Зная, что художественно-иконописная школа Свято-Троицкой Сергиевой лавры устроена и руководима была эстетическим незабвенным Филаретом, я ожидал превосходной работы, но исполнение превзошло мои ожидания. — Художественная живопись, отсутствие анахронизма и строгий византийский стиль достойны приношения храму благочестивой Государыни Императрицы. (Иконы писались для новой церкви в имении графа на средства Императрицы.)»⁹ И далее: «Вменяю себе в приятную обязанность зрителю школы г. иеромонаху Симеону и всем участвовавшим в работе изъявить совершенную мою признательность»¹⁰.

Итак, в октябре 1885 г. произошло соединение московского епархиального училища иконописания и лаврской иконописной школы. В лавру прибыли тридцать три ученика из епархиального училища, семь человек были набраны дополнительно на свободные места, и всего получилось сорок учащихся, согласно новому уставу. Учеников разделили на три разряда: высший, средний и низший; выделили им для проживания Пятницкую башню. Учебные классы в это время, вместе с лаврской мастерской, находились в казначейском корпусе, на 3-м этаже, в удобном помещении, устроенном для иконописцев еще архимандритом Антонием в 1849 г. Иногородние учащиеся лаврской школы проживали в помещениях рядом с мастерской, а жители Посада — по домам у своих родителей. Смотрителем объединенного училища остался о. Симеон, а его помощником — иеромонах Тихон. Для преподавания предметов были приглашены сергиево-посадские священники — Николай Фаворский и Сергей Виноградов. Они составили Совет училища, согласно измененному уставу училища иконописания. Параграф 3 этого устава гласил: «Ближайшее заведование училищем поручается Совету, состоящему, под председательством наместника лавры или одного из членов духовного собора лавры, из 4-х членов: 1. Смотрителя училища, 2. Законоучителя и двух членов по назначению Митрополита Московского»¹¹.

О. Симеон так и остался основным преподавателем живописного мастерства, а переведенное в лавру училище сразу стало «одним из подразделений, занимавшихся в Троицком монастыре созданием икон»¹². В общем, в системе под-

⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 12030. Л. 11.

⁸ *Арсений, иеромонах*. Исторические сведения об иконописании в Троицкой Сергиевой Лавре. С. 128–129.

⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 10527. Л. 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ед. хр. 23771. Л. 5.

¹² *Черкашина Г. П.* Иконописное дело Троице-Сергиевой лавры 1764–1917 гг. (Общая характеристика деятельности иконописной мастерской) // Троице-Сергиева лавра в истории,

готовки иконописцев сравнительно мало что изменилось. Преподавание иконописи, ради чего, в частности, и был предпринят перевод училища из Москвы в лавру, так и не началось. Жизнь иконописного училища потекла при этом по несколько измененному, но давно установившемуся распорядку и на протяжении нескольких лет в нее никто не вмешивался. Изредка приезжали некоторые иностранные подданные. Так, в 1891 г. принят по прошению Митрополита Черногогорского Митрофана черногорец Михаил Вербица; в 1892 г. — по прошению Российского консульства румынский подданный Феодор Морозов, в 1895 г. — серб Драголюб Павлович и т. д. Ученики принимали участие в богослужениях и помогали о. Симеону в выполнении заказов. На поступивший через консисторию указ Св. Синода от 13 сентября 1889 г. за № 19, предписывающий участие воспитанников духовно-учебных заведений в богослужениях (пение, чтение и прислуживание в алтаре) в целях духовно-нравственного воспитания, было отмечено, что в лаврском училище иконописания это и прежде исполнялось¹³.

Единственное изменение, как выяснилось позже, состояло в том, что значительно уменьшилось денежное содержание переведенного училища, что через некоторое время дало о себе знать.

В 1897 г., после кончины иеромонаха Симеона, для преподавания живописи был приглашен выпускник «Художественных классов» (так тогда называлось Московское училище живописи, ваяния и зодчества) Василий Корнеевич Бондарев, с рекомендацией «лучшего по искусству и по нравственности»¹⁴. Он продолжил занятия по установившимся при о. Симеоне правилам и оставался на этом послушании вплоть до закрытия школы.

В том же году сотрудники отдела иконоведения при Обществе любителей духовного просвещения вспомнили о своем детище и обратились к Московскому митрополиту Сергию (Ляпидевскому) с просьбой о «перенесении иконописной школы в Москву и о помещении ее в свободный корпус Московского Данилова монастыря». Корпус этот был передан Обществу в 1872 г. для помещения в верхнем этаже древних икон и древних церковных вещей, а в нижнем — книг епархиальной библиотеки, не находящих места в Петровском монастыре за нехваткою помещений.

Причина, которая послужила основанием для такого ходатайства, оказалась крайне близка той, что привела двенадцать лет назад к переводу епархиального училища в лавру. По мнению сотрудников отдела, в училище не было организовано обучение традиционному иконописанию. На основании ходатайства отдела иконоведения, в своем донесении (№ 392 от 6 октября 1898 г.) Св. Синоду уже митрополит Московский Владимир (Богоявленский) писал: «Училище, при настоящей постановке дела, не соответствует своему назначению, так как обучение в нем идет главным образом живописному искусству, а не иконописи»¹⁵. Далее он сообщил, что отдел иконоведения желает принять училище под свое ведение

культуре и духовной жизни России: материалы международной конференции 29 сентября — 1 октября 1998 г. М., 2000. С. 381.

¹³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23581. Л. 52.

¹⁴ Там же. Д. 23697. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 23747. Л. 14.

и дать ему «соответствующее направление»¹⁶. В 1899 г. на имя Совета училища поступил запрос из Московской духовной консистории (июль месяц, № 13) с предписанием уведомить, «с какого времени прекращено в училище преподавание иконописания и введено преподавание живописного искусства и по каким причинам»¹⁷. Оказалось, что с 1885 г., со времени перевода училища в лавру, «иконописание в нем никогда не преподавалось, так как училище это тогда же было поручено главным образом руководству смотрителя существовавшей уже с давнего времени при лавре иконописной школы иеромонаха Симеона, который сам с иконописанием вовсе не был знаком, а занимался только живописью»¹⁸.

Документы не дают четкой картины того, что произошло далее, но в мае 1900 г., обсудив проблему перевода училища в Москву, отдел иконоведения просит митрополита Владимира приостановить дальнейшую переписку по этому вопросу, так как отдел «пришел к заключению о невозможности, по обстоятельствам времени, осуществления своих предположений относительно означенного перевода»¹⁹. В результате этой несостоявшейся и не вполне вразумительной пока для нас попытки обратного перевода училища в Москву, митрополит Владимир, желая составить собственное мнение о положении дела, просит предоставить ему точные сведения об училище. Совет училища предоставил подробный доклад, в котором излагались причины неудовлетворительного состояния училища. Было обращено внимание на значительное уменьшение денежных средств для содержания училища (по расчетам Совета, практически в три раза). Это ограничение в средствах, по мнению Совета, привело к тому, что училище оставалось без преподавателя иконописи («по неимению в виду способного для сего лица и по скудости средств училища»²⁰). «Преподавание иконописи было совершенно упущено из вида»²¹ (что было еще в Москве), а также и преподавание ремесел, о которых упоминается в уставе училища, не было налажено. Еще одной, и немаловажной, причиной неуспешности училища, члены Совета считали то, что согласно уставу принимаются в училище дети бедного духовенства, без внимания к призванию учеников. Поступают такие, которые «уже уволены из других училищ за неблагонадежность или оказались неспособными к учению»²². Достаточно часто училище становится для этих детей просто «временным приютом и даровым пристанищем до известного возраста», далее, за редким исключением, они «поступают в причетники и не прилагают в жизни тех знаний, которыми могли бы запастись в училище»²³.

Также необходимо отметить, и об этом пишут члены Совета, что почивший к этому времени митрополит Сергей, предшественник Высокопреосвященнейшего Владимира, был очень обеспокоен состоянием училища иконописания. Он сочувствовал Обществу духовного просвещения по отделу иконоведения и

¹⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 14.

¹⁷ Там же. Д. 23581. Л. 131.

¹⁸ Там же. Д. 23747. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 22.

²⁰ Там же. Д. 23720. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 7 об.

²² Там же. Л. 8.

²³ Там же.

поддерживал его намерение о переводе училища обратно в Москву, «в видах лучшей постановки его и ближайшего надзора за ним»²⁴.

Отчасти прояснить положение дел может следующий интересный документ, найденный нами в том же архиве РГАДА. Это донесение митрополиту Владимиру епархиального наблюдателя Александра Италинского, инспектировавшего училище, несомненно, по благословению первого. Италинский, посетивший училище 17–18 января 1901 г., присутствовал на проводимых занятиях, вел испытания учеников, осматривал все занимаемые помещения и в конце устроил общее совещание по разрешению вопросов училищной жизни, на котором собрались все члены Совета и преподаватели. Он и представил подробный доклад митрополиту, в котором дал анализ положения дел в училище.

Проверяющий отметил, что школа иконописания является пока более благотворительным заведением, нежели строго профессиональным, учебным. Он высказал целый ряд замечаний: и по общеобразовательной подготовке, и по обучению специальным, иконописным предметам, а также по административному управлению училищем, обнаружив отклонения от устава. Основные его претензии касались организации учебного процесса. Был, в частности, отмечен низкий уровень грамотности учеников, который оценивался ниже, чем в двухклассных школах; Закон Божий преподавался ограниченно и в механическом направлении.

Далее Италинский указал и причины такого положения. Некоторые нам уже хорошо знакомы: это, во-первых, малоспособные и уволенные из других училищ ученики и недостаточное число учителей (из-за отсутствия средств). Во-вторых, невнимательное отношение к учебным занятиям, которым посвящается малое количество времени (занятиям этим отводилось только два часа в день — с 5 до 7 вечера), а также отсутствие определенных программ, руководств и учебников.

Еще большие претензии были предъявлены им к специальным предметам. Г. Италинский писал, что «само иконописание преподается, собственно, в формах подготовительных: ученики рисуют с гипсовых фигур, копируют рисунки, красками рисуют с манекенов, копируют и иконы; а иконописи в строгом смысле нет»²⁵. Касательно несоблюдения устава училища, он обратил внимание на количество учащихся — вместо предполагаемых 40 человек, учится 57 живущих в пансионе и 25 проходящих, т. е. всего 82 человека. И далее он сделал следующий, в целом неблагоприятный для школы вывод: «Отсюда выпустить настоящих профессиональных иконописцев, как это требуется по существу школы, не удастся»²⁶. Он предложил провести полную реорганизацию школы и выработать новый устав, обратить внимание и на материальную сторону дела и на решение тех задач, которые будут положены в основу школы. Для начала он предложил следующие неотложные меры: ограничить число учащихся до 40 человек; не задерживать тех из них, кто не проявил способности или желания к рисованию; кроме того, увеличить количество и время учебных занятий; более грамотно распределить занятия между преподавателями и выработать расписание уроков.

²⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23720. Л. 8 об.

²⁵ Там же. Д. 23747. Л. 34–35.

²⁶ Там же. Л. 35.

Нужно сказать, что названные цифры не совсем соответствуют сведениям, которые приводит в своей работе «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра» профессор Московской духовной академии Е. Е. Голубинский. В 1902 г., по словам профессора, число учеников иконописной лаврской школы составляет семьдесят человек, из которых сорок, принадлежащие к духовному званию, суть «епархиальные», представляющие собою переведенное в лавру училище, а тридцать, набранные из всяких других званий, суть собственно лаврские, представляющие собою в точнейшем смысле лаврскую школу²⁷.

В результате этого донесения и доклада Совета училища, митрополит Владимир обратился с просьбой о составлении нового проекта иконописной школы к известному знатоку древней иконы и «иконописцу-практику с сорокапятилетним опытом»²⁸, академику живописи Виктору Доримедонтовичу Фартусову. Уже в 1902 г. Фартусов представляет проект с рядом полезных инноваций.

Прежде всего он предлагает увеличить возраст приступающих к изучению иконописания подростков — принимать их не с 12–15 лет, как ранее, а строго с 14–15 лет, при этом смотреть, чтобы они были предварительно обучены грамоте. Принципиально важно следующее соображение В. Д. Фартусова: «Лучше выбирать таких, которые, будучи не глупыми, почему-либо к наукам ленивы и малоспособны, но зато по природной наклонности и их любви к искусству чертили разнообразные рисунки и увлекались этим»²⁹. Он рекомендует придерживаться принципа — «лучше меньше, да лучше» и иметь небольшое количество учеников, однако таких, которые впоследствии могли бы принести пользу обществу. Он считает, что следует без сожаления увольнять бездарных учеников, учеников дурного поведения, дабы они не срамили училище. Обращает на себя внимание стиль, которым автор излагает свои мысли, — очень живо, с примерами из педагогического и творческого опыта.

Следующее принципиальное требование, выдвинутое им, — это увеличение времени на изучение иконописания. Для этого уважаемый академик предложил такую, опробованную им самим и его учениками, методику — читать вспомогательные научные предметы (священную и церковную историю и др., относящиеся к иконописанию) во время технических занятий, не занимая на таковые предметы отдельного времени. Он считал, что после чтения ученики сами будут рассуждать о прочитанном и обдумывать его, и помешать это рисованию или писанию красками не может ни в коем случае.

Для увеличения времени Виктор Доримедонтович также предложил заниматься летом с 7 часов утра до 7 вечера (с перерывами на чай, обед и небольшой отдых), при этом он считал, что преподаватель может находиться с учащимися по 4 часа в день — 2 часа утром и 2 часа вечером. Остальное время учащиеся занимаются самостоятельно, а преподаватель использует свободное время на свое самообразование, так как иконописцу «необходимо постоянное упражнение»³⁰.

²⁷ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. СПб., 2007. С. 278.

²⁸ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 7.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 8.

Далее в проекте подробно рассматривался порядок занятий по классам — с 1-го по 4-й. Отметим, что методика обучения, особенно в первых классах, оставалась традиционной и достаточно близкой, например, той, что была предложена художником Сергием Милорадовичем в 1883 г. Ученики, как в академическом училище, начинают обучение с рисования с оригиналов и выполняют сначала отдельные детали, части лица и орнаменты. Так же как и ранее Милорадович, Фартусов предлагает с самого начала разделять учащихся по способностям. Более тщательно он предлагает оценивать и контролировать процесс обучения. Он считал, что нужно в каждом классе ежемесячно проводить экзамен и по результатам такого экзамена ставить оценки или «номера» — категории. «Номера» ставятся за лучшие работы и далее следуют по убывающей. Переводить учеников в высшие классы нужно только соответственно их способностям. За лучшие работы им следует выдавать награды. Надо сказать, что награждение практиковалось и в лаврском училище иконописания. Из отчетов Совета училища следует, что за 1896/7 уч. год были удостоены денежной награды от 4 до 1 рубля — 20 человек; за 1898/9 уч. год — от 3 до 1 рубля — 22 человека; в 1899/1900 уч. году — от 2 до 1 рубля — 25 человек.

Наиболее интересным представляется то, что Виктор Доримедонтович рекомендовал высшему, 4-му классу. Он полагал, что в этот класс переводятся только ученики, уже испытанные и подготовленные в рисовании и живописи, те, которым уже можно доверить самостоятельно писать заказанные училищу иконы. Уточняются задачи такой деятельности: с одной стороны, заработать деньги для училища (при этом небольшая сумма причиталась и ученику), а с другой — поощрить учащихся к более добросовестному отношению к делу иконописания. Согласно проекту, орнаментальные живописцы могли закончить обучение уже после 3-го класса и начать практическую деятельность в различных мастерских. Лучшие работы в иконописании предлагалось награждать медалями, «какие установлены при Академии или училище живописи и ваяния, или званиями художника»³¹. Также следовало раз в год устраивать выставки ученических работ для развития школы, поощрения учеников и ознакомления публики с деятельностью училища (впрочем, это не являлось нововведением: еще в первом проекте училища от 1873 г. предполагалось устройство выставок с этими же целями). А вот учреждение при училище особых классов рисования «для учеников и мастеров, желающих усовершенствоваться в познании классического рисования и правильного писания красками»³², является новым предложением: для этих классов были определены особые праздничные дни с 9 часов утра до 7 часов вечера.

В целом проект академика В. Д. Фартусова был очень близок программам иконописного класса в Санкт-Петербургской семинарии, открытого в 1844 г., и иконописного класса при Императорской Академии Художеств, учрежденного в 1856 г. В его проекте очень четко просматривается цель, достижение которой ведет к подготовке не просто ремесленников-копиистов, а образованных иконописцев, иконописцев-художников, то есть таких мастеров, которые могли

³¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Л. 23747. Л. 11.

³² Там же.

решать творческие задачи в рамках канонического церковного искусства. Похожие задачи обозначили чуть позже И. П. Сахаров в разработанном им проекте об устройстве «Русской школы иконописания» (опубликован в Петербурге в 1903 г.)³³, а также авторы временного положения о высшей художественно-иконописной мастерской при Строгановском училище технического рисования³⁴.

Остается рассмотреть, как развивалась ситуация с введением традиционно-иконописания и других изменений в оставшейся под сенью Свято-Троицкой Сергиевой лавры иконописной школе в самый последний период ее существования — с 1900 до 1918 г. Чтобы лучше понять, что происходило в этот временной отрезок, вспомним в самых общих чертах социокультурную ситуацию в России в нач. XX в.

На рубеже веков интерес в обществе к своим национальным, историческим корням и традициям был необычаен. Об этом говорят, в частности, следующие факты. В 1901 г. был высочайше утвержден Комитет попечительства о русской иконописи под председательством графа С. Д. Шереметьева. Управляющим делами Комитета стал известный исследователь и знаток византийского искусства Н. П. Кондаков. Комитет активно взялся за возрождение традиционного иконописания: организовал учебные иконописные мастерские в иконописных селах Владимирской губернии и в слободе Борисовке Курской губернии; он начал также выпускать периодические «Известия Комитета о русской иконописи», лицевой иконописный подлинник. Комитет командировал Н. П. Кондакова на Афон для сбора иконографических материалов. В самом начале века, благодаря достижениям реставрации, открылся лик древней иконы, что буквально потрясло и изменило художественный мир. В 1905 г. появилась возможность прикоснуться к древним иконам, сохраненным старообрядцами, в 1913 г. состоялась первая публичная выставка икон. В это время начали активно формироваться первые частные собрания древнерусской живописи; философы и ученые обратились к исследованию традиционной иконописи.

К нач. XX в. священноначалие лавры и общественность, в лице Отдела иконоведения, радевшего за возрождение традиции, уже подготовили почву для реорганизации лаврской иконописной школы. С помощью деятелей Комитета попечительства о русской иконописи — графа С. Д. Шереметьева, Н. П. Кондакова, а также В. Т. Георгиевского и Д. К. Тренева — с 1905 г. началось преобразование бывшего училища иконописания и введение преподавания иконописи. Наместник лавры архимандрит Товия в письме графу Шереметьеву благодарил последнего за готовность содействовать введению иконописания вместо живописи в лаврском училище: «Дай Бог, чтобы это послужило на пользу лаврскому училищу иконописания и иконописному делу в России вообще»³⁵. По рекомендации Н. П. Кондакова в 1905 г. в лавру прибывает иконописец — «доличник» Николай Прокофьевич Клыков из Москвы, где он трудился в мастерской известного «московского мстерца» М. И. Дикарева. Клыков приступил к препода-

³³ Успенский М. И. Проект И. П. Сахарова об устройстве школы иконописания. СПб., 1903. С. 1.

³⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 16–17 об.

³⁵ Там же. Л. 2.

вательской деятельности с 1-го сентября 1905 г., взяв на себя, по крайней мере на первое время, обязанности и второго преподавателя — «личника», так как в первый переходный период учащихся, приступающих к обучению иконописанию, было немного. Тех из учащихся, которых в течение 3–5 лет обучали живописи, решили не перечувывать и дать возможность закончить обучение по начатой программе.

Приискать «личника» поручено было самому Николаю Прокофьевичу — по совету Кондакова, желательно было бы, чтобы оба мастера совпадали по стилю. Жалованья Н. П. Клыкову было положено 85 рублей в месяц, при своем содержании и квартире, а относительно порядка преподавания иконописи ему были обещаны от Комитета «инструкции и руководства»³⁶. В прошении Клыкова о зачислении его на должность оговаривался порядок занятий — зимой и летом они должны продолжаться не менее 6-ти часов, в два приема — утром и вечером. Каникулы для учеников, занимающихся иконописью, положены были летом — не более одного месяца.

Возможно, из-за того что Клыков не смог подыскать себе товарища или вследствие каких-то разногласий со священноначалием лавры, через три года, в 1908 г., он был уволен. В качестве преподавателей в училище были приглашены другие мастера — иконописцы из Палеха, «лучшие по мастерству и благонадежные по поведению»³⁷, — «доличник» Павел Алексеевич Плеханов и «личник» Илья Павлович Сафонов. Их духовный отец, протоиерей Николай Лихачев, так рекомендовал их настоятелю лавры в своем письме: «Оба мастера — способные иконописцы, честные труженики, благонравные по поведению и хорошие семьянисты»³⁸. Оба мастера работают в одном стиле и не внесут «пестроты и разности в своих руководствах, как взятые из разных мастерских руководители с разными взглядами на иконописные дела и с разнообразными приемами»³⁹. Плеханов раньше прибыл в лавру и приступил к преподаванию. Сафонов же вначале под влиянием хозяина мастерской, где он последнее время трудился, не решился дать полное согласие. Потом «осознал свою нерешительность ошибкою и изъявил полную готовность послужить в лаврской мастерской с искренним усердием и любовью к делу»⁴⁰.

Из письма Ильи Сафонова к о. наместнику видно нелicenseрное и благочестивое настроение его души: «Я семейный человек и имею 6-х детей. Быть может, хоть не теперь, а после, мне Бог приведет поступить на это святое поприще, на благо и на пользу других, как некогда трудился святой отец иконописец Андрей Рублев. Но мы, многогрешные, совсем забываем святость этого дела. Не так трудимся, как трудились древние иконописцы, и относимся только с целью наживы наряду с другими промыслами. Простите меня. Не обременить бы Вас своим письмом. Остаюсь с истинным почтением иконописец Илья Павлович Сафонов. Прошу Вашего благословения и святых молитв. Если будет угодно Вам

³⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 18.

³⁷ Там же. Л. 14.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

благоволить ответом, адрес мой...»⁴¹ (орфография частично изменена мной. — Л. А.). И Павел Плеханов, и Илья Сафонов оставались в лавре до середины 1918 г., когда было решено ввиду трудного военного времени прервать занятия в училище иконописания⁴².

Последние несколько лет существования были нелегкими для училища. Учебный год начинался позже обычного — с октября, т. к. большинство учащихся были вынуждены задерживаться в домах своих родителей, чтобы помочь им убрать урожай. Священноначалие училища с пониманием относилось к этой ситуации. В донесении инспектора училища иеромонаха Ионафана об этом говорится так: «Принимая во внимание военное время, ненастное лето, просьбу родителей и дороговизну содержания, считаю долгом донести Совету училища, не найдет ли он возможным ходатайствовать об отсрочке занятий до 10 октября 1916 года, по примеру прошлых лет. Воспитанники, как имеющие возраст от 13 до 16 лет, много помогут своим родителям в сельском хозяйстве»⁴³.

Само училище также испытывало нужду во многом. В другом своем заявлении на имя Совета училища о. Ионафан пишет: «Недостаток насущного хлеба, одежды, обуви воспитанники или сами восполняют своими трудами в каникулы, или при помощи своих родственников. А совсем неимущие довольствуются тем, что дает им лавра. Нужда насущного хлеба обостряется все более, отопление помещений крайне обременительно для лавры, да и на содержание самой школы средства весьма ограниченные»⁴⁴. Далее он предлагает Совету училища закончить учебный год по этим причинам ранее обычного, «на сырной седмице»⁴⁵. В удостоверении, выданном иеромонаху Ионафану в декабре 1918 г., было указано: «С окончанием 1917/18 учебного года за неимением средств и материалов училище временно закрыто»⁴⁶.

Пока трудно вполне уверенно сказать, удалось ли поднять подготовку в училище в первые десятилетия XX в. на новый качественный уровень и решить те задачи, которые преследовали заинтересованные лица. Похоже, что, несмотря на все приложенные усилия, удалось справиться далеко не со всеми поставленными задачами. Например, когда в 1907 г. Комитет попечительства предложил обратить внимание на более серьезное преподавание иконографии и церковной археологии «для более правильного понимания иконописи»⁴⁷ и рекомендовал в качестве преподавателя известного профессора духовной академии А. П. Голубцова, то получил довольно грустный ответ. Совет училища посчитал, что уровень способностей учеников не соответствует уровню преподавания профессора Голубцова и что для учеников школы — при согласии ввести предложенные дисциплины — будет достаточно, если их будет читать преподаватель Закона Божия. Похоже, что поднять уровень школы, где бы готовили не простых ремесленников-иконописцев, а творчески мыслящих, образованных церковных

⁴¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 12.

⁴² Там же. Д. 23900. Л. 14.

⁴³ Там же. Д. 23884. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Д. 23900. Л. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 14.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23788. Л. 1 (письмо Комитета к наместнику лавры о. Товии).

художников, в то время все-таки не получалось. Возможно, в немалой степени этому помешали и внешние, весьма неблагоприятные революционные события 1905 г. и начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, а политический переворот 1917 г. окончательно пресек все намечавшиеся благие начинания.

Лишь в 1990 г. иконописная школа в стенах Троице-Сергиевой лавры возобновила свою деятельность, будучи подразделением Московской духовной академии. Сейчас обучение в школе строится на иных основах, чем это было до революции. При поступлении в школу учащиеся проходят большой конкурс — 6–8 человек на место. До поступления в школу, как правило, они уже получают начальное или среднее (иногда высшее) художественное образование, и, соответственно, возраст поступающих не ниже 17-ти лет. Система образования разделена на две ступени и составляет в целом пять лет. На первой, трехгодичной, ступени обучения, учащиеся изучают богословские предметы: Священное Писание, катехизис, литургику, церковнославянский язык, историю Церкви, основы богословия (нравственное богословие), — которые читают преподаватели семинарии и академии. В учебную программу введены также специальные предметы: иконоведение, история церковного искусства, иконография. Параллельно, начиная с первых дней занятий, учащиеся осваивают технику и технологию традиционной иконы, выполняют сначала простые фрагменты и детали иконы — палатки, горки, и заканчивают более сложными фрагментами — многофигурными композициями. Со второго курса начинают выполнять несложные иконы под руководством преподавателя. Основной методический принцип работы в школе — это копирование образцов, изучение языка древней иконы при непосредственной работе с подлинниками. Для решения этой задачи учащимся предоставляется неоценимая возможность выезжать в музеи разных городов, где есть собрания икон, и работать непосредственно в экспозициях, созерцая и изучая иконы разных времен и стилей. Вторая ступень обучения, двухгодичная, предполагает решение учащимися более сложных, творческих задач — это разработка новой иконографии святого, разработка проекта иконостаса или росписи храма. Последний, 5-й год обучения посвящен выполнению дипломной работы. Как правило, выполняется икона большого размера, предназначенная для конкретного храма. Иногда несколько учащихся выпускного курса выполняют ряд икон для иконостаса. Весьма часто учащиеся выбирают темой своей дипломной работы житийную икону и разрабатывают сложную композицию, включающую образ святого в окружении сцен его земного жития. Хотелось бы думать, что современной иконописной школе удастся успешно решать задачи, которые ставили в своих проектах дореволюционные ученые-энтузиасты, желая видеть на службе Православной церкви образованных иконописцев и стремясь поднять традиционное иконописание на соответствующий ему уровень.

Ключевые слова: Троице-Сергиева лавра, иконописное училище, иконописная традиция, возрождение традиции.

SCHOOL OF ICON PAINTING IN S. SERGY LAVRA
OF HOLY TRINITY IN 1885—1918: ATTEMPTS AT REVIVING
ICON PAINTING TRADITIONS

BY L. ARMEEVA

The article focuses on the efforts to revive icon painting traditions in the S.Sergy Lavra of Holy Trinity in the period between 1885 and 1918. At that time the Lavra icon painting School was undergoing important transformations: the Moscow icon painting school was relocated to Lavra, a new set of rules and regulations (the so-called charter) was introduced, and a project of a new building was being developed. Prominent figures like painter and scholar V. D. Fartusov and byzantologist N. P. Kondakov were invited to help the Lavra school revive old icon painting traditions. Unfortunately, the Russian revolution put an end to those efforts.

Keywords: S. Sergy Lavra of Holy Trinity, icon painting school, icon painting tradition, reviving traditions.